# ТОРРИ

Был последний учебный день в школе. Я окончил пятый класс, и мы вместе с одноклассником медленно брели из школы в предвкушении летних каникул. Всё, свобода, целых три месяца ничегонеделания — это было так круто!

Мы никуда не торопились, поэтому решили идти не короткой дорогой до дома, а через пустырь. Товарища моего звали Алик, мы с ним с первого класса сидели вместе за одной партой. Когда нас первого сентября в первом классе рассаживали по партам, Алика посадили за первую парту, потому что у него было плохое зрение, а еще он был маленького роста. У меня зрение было хорошим, но я тоже был маленького роста, поэтому оказался рядом с Аликом на первой парте.

Весь остальной класс тогда рассадили по рядам по строгому правилу: за каждой партой слева сидели девочки, а справа — мальчики. И когда меня посадили рядом с Аликом, то я оказался в левом ряду, где были одни девочки. Мне это, конечно, очень сильно не понравилось, и я попросил Алика поменяться местами, на что он ответил категорическим отказом, мотивируя это тем, что первый сел на это место. Он весь напрягся, сжал кулаки и даже немного пригнулся, всем своим видом показывая, что никуда не сдвинется. Меня это немного разозлило: я же вежливо попросил его, а он сразу с кулаками.

Ну ладно, решил я, не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. Ведь Алик не знал об одном маленьком нюансе: в четвертом классе этой школы учился мой старший брат.

— Сейчас, подожди, — сказал я Алику, — я вернусь.

— Давай-давай! — зло ответил он, полностью уверенный в своей победе.

Я быстренько метнулся за старшим братом, сказал ему, что мне место за партой не уступает какой-то очкарик, и побежал обратно в свой класс. Брат

дружил с одноклассником, который занимался борьбой и был гораздо крупнее своих ровесников. Вот его мой братишка и решил зачем-то тоже взять с собой.

Когда я зашел в свой класс и встал перед Аликом, все затихли, а на лице Алика я увидел страх. Я обернулся, и оказалось, что за моей спиной стоят брат и этот амбал, которого он с собой взял. Честно говоря, я и сам сначала испугался их грозного вида, но потом вспомнил, что они со мной.

Тем временем Алик понял, что сопротивляться бесполезно, он был в отчаянии. Я при этом понимал, что поступил нечестно, потому чувствовал себя неловко, но дело было сделано. Алик медленно взял свои вещи с парты, переложил их и подвинулся сам с явно недовольным видом. Брат с амбалом после этого ушли, а следом в класс вошла учительница.

— Ну что, все расселись? — мило улыбнувшись, спросила она.

— Да… все, — тихо ответил Алик.

Так началось наше неловкое знакомство с Аликом, которое, как ни странно, потом переросло в крепкую дружбу. Кстати, спустя какое-то время я и сам предложил Алику сесть в ряд, где сидели мальчики, а сам пересел за другую парту, где сидела в одиночестве девочка, которая мне нравилась. Но это уже совсем другая история.

А сейчас спустя пять лет, закончив пятый класс, мы с Аликом шли по пустырю в последний учебный день и никуда не торопились. На этом пустыре росли только колючки — огромные синие кусты колючек. Они были невероятно красивые и колючие. Еще там были камни, под которыми жили змейки — маленькие ужи. Если резко повернуть камень, то ужиков можно было легко поймать. Мы их ловили, складывали в спичечную коробочку, а после этого приносили в школу и пугали девчонок: визг стоял на всю школу! Впрочем, ужиков мы потом относили обратно на пустырь.

Ну а сейчас мы никого не ловили, поскольку в школу нам завтра не надо было идти. Впереди было три месяца беззаботной жизни, когда не нужно делать уроки и рано вставать. На каникулы нам задали только внеклассное

чтение, но читать я любил, поэтому с удовольствием собирался прочитать не только заданные книги, но и те, которых не задавали. Я уже даже присмотрел пару книг про путешествия и приключения — это были романы Жюля Верна и Джека Лондона. Я читал этих авторов взахлеб, мог целый день просидеть за книгой, так интересно было погружаться в невероятные события, которые там описывались.

Еще у меня были планы поехать в детский лагерь на море. Я ездил в такие лагеря каждое лето, и со временем у меня там появились друзья, которые тоже приезжали каждый год. И у нас там даже сложилась своя команда, с которой не было скучно.

Впервые я поехал в лагерь после окончания первого класса. Некоторые дети там плакали, когда поняли, что они надолго остались в лагере одни, без родителей. Самое интересное, что после окончания смены, через три недели, эти же самые дети снова плакали — только теперь из-за того, что не хотели уезжать и расставаться с новыми друзьями. И такая картина со слезами была в лагере каждый год. Конечно, у детей постарше такого было поменьше, но с понурым видом в первые дни я встречал многих, ну а к концу смены всем было здорово вместе.

А еще мне нужно было помочь папе с ремонтом квартиры. Он затеял ремонт, попросил меня помочь, и я с радостью согласился. Мне нравилось что-то делать руками, я никогда не отказывался помочь родителям, особенно папе, который постоянно что-то чинил или мастерил, когда у него появлялось свободное время.

Обо всем этом я думал, пока мы с Аликом брели по пустырю, и тут я увидел в кусте колючек какую-то бумажку. Она оказалась купюрой в пять тысяч рублей! Для нас это были огромные деньги. Я быстро нагнулся и схватил купюру.

— Что там? — спросил у меня Алик.

На секунду я призадумался. Вроде бы деньги нашел я, но при этом мы шли вместе с Аликом, и если бы у друга было зрение получше, он бы нашел

деньги первым. Честно говоря, я уже хотел сказать, что там не было ничего интересного, и незаметно спрятать деньги в карман, но все же в последний момент передумал.

— Смотри! — воскликнул я. — Пять тысяч рублей, — раскрывая ладонь, я показал их Алику.

— Да ладно, не может быть! — закричал Алик. — Вот это повезло тебе!

— Почему мне? *Нам* повезло, мы же вместе их нашли! — сказал я.

— Ты уверен? — спросил Алик.

— Конечно, уверен. Пойдем на остановку, разменяем их там, — предложил я.

— Побежали! — весело ответил Алик.

На остановке нам никто не хотел менять такую крупную купюру — все продавцы подозрительно смотрели на купюру и на нас и отказывались помогать. И тут мы увидели ларек с мороженным. Переглянувшись и не сказав друг другу не слова, ринулись к ларьку.

— Нам два мороженых! — закричали мы вместе, и я протянул пять тысяч рублей. Продавщица недоверчиво взяла купюру, посмотрела на свет, потом посмотрела на нас. Это была полная тетенька, которая тут стояла, кажется, всю жизнь и знала всех и вся. Мы замерли, думая, что и тут нам откажут, но увидев, как она полезла отсчитывать сдачу, облегченно вздохнули.

Получив холодные брикеты и сдачу, мы первым делом разделили поровну деньги и потом принялись за мороженое. В этот раз оно было особенно вкусное.

— Что будешь делать с деньгами? — спросил я Алика.

— Отложу, — ответил он. — Буду копить. У меня уже есть немного. — А ты? — спросил он меня.

— Я тоже буду копить. Пока, правда, не знаю, на что именно, — весело ответил я. — Может, на железную дорогу.

— Это где такие маленькие вагончики с паровозиками? — спросил Алик. И, не дождавшись ответа, добавил: — Там эти вагончики и паровозики ездят по настоящей железной дороге. Еще там есть семафоры, станции и стрелки, которые изменяют направления движения этих паровозиков. А еще там пульт управления, с помощью которого можно всем этим управлять дистанционно.

— Да ты лучше меня в этом разбираешься, — усмехнулся я. — Тоже, что ли, мечтаешь о такой? — подмигнул я ему.

— Нет. Я коплю на собаку, — ответил Алик.

— У меня есть собака! — с гордостью сказал я.

— Да. Я знаю. Ты говорил уже… — как-то печально ответил Алик

— Не переживай, и у тебя будет когда-нибудь собака, — подбодрил его я.

— Конечно, будет! — уже веселее ответил он.

Мы попрощались, и я пошел домой где меня ждала моя любимая собака породы джек-рассел-терьер. Звали ее Торри. Мне родители ее подарили, когда я закончил третий класс. Я сильно хотел собаку и долго выпрашивал ее у родителей. Не проходило и дня, чтобы я не затрагивал эту тему. И так достал родителей этими разговорами, что однажды отец посадил меня рядом и начал со мной серьезный разговор. Это, пожалуй, был первый мой такой серьезный разговор с отцом.

— Ты понимаешь, что собака — это большая ответственность? — спросил он. — Что за ней нужно будет ухаживать, выгуливать, дрессировать, кормить, поить? Ты сможешь это все сам обеспечить для своей собаки? — серьезно посмотрев на меня, спросил отец.

— Да! — не задумываясь, ответил я.

— Видимо, ты не понял, о чем я тебя спрашиваю, — строго сказал отец. — Я тебе еще раз объясняю: это будет твоя собака, ты будешь нести всю ответственность за нее и должен будешь находить время не только на учебу,

но еще и на занятия с собакой, на прогулки, на уход за ней и на многое другое.

— Да, я понимаю, — опять ответил я. — Все будет хорошо.

— Ну хорошо… Давай тогда договоримся. Ты сейчас закончил второй класс, у тебя есть четвертки и даже тройки, — строго сказал отец.

Я понуро кивнул головой, понимая, что мечта улетучивается на глазах.

— Если ты сейчас, не имея собаки, не уделяешь должного внимания учебе, о какой собаке может идти речь? — спросил отец.

— Я стану лучше учиться, — еле промямлил я, сам себе не веря.

— Ну хорошо, смотри, ты сам это предложил. Ты заканчиваешь третий класс без троек, а желательно и без четверок, — улыбнулся отец. — И тогда поедем и купим тебе собаку.

Я аж вспотел, представив, что нужно будет закончить третий класс на одни пятерки.

— Конечно, я понимаю — получить по всем предметам пятерки будет сложно, — продолжал отец. — Но давай договоримся так, чтобы в четверти было как минимум половина пятерок, остальные четверки. Если ты действительно хочешь собаку, поставь перед собой цель, достигни ее, и тогда я пойму, что ты уже достаточно взрослый, чтобы отвечать не только за себя, но и за свою собаку. Я хочу, чтобы ты понял, что хорошие оценки — это не самоцель, и я не торгуюсь с тобой из-за собаки. Просто я хочу понять, насколько ты способен отвечать за свои слова, ставить перед собой цели и достигать их. Это тебе пригодится в твоей будущей взрослой жизни, — закончил он. — Договорились? — отец протянул мне руку.

— Да. Договорились, — твердо ответил я, протягивая ему свою и пожимая. Отец в ответ крепко пожал мне мою. Это был первый мой серьезный поступок в жизни. Я осознал в тот момент, что если хочу чего-то добиться, то нужно приложить все усилия и доказать в первую очередь самому себе, что я это могу сделать.

С этого дня я стал более серьезно относиться к учебе, да и не только к учебе. В первую очередь мне надо было исправить тройки. Потом я посмотрел, сколько у меня пятерок и сколько не хватает для того, чтобы их стало не меньше половины от всех оценок. Я выбрал те предметы, которые нравились больше всего, и решил внимательнее ими заниматься. Результат не заставил себя ждать: я довольно быстро и легко подтянул все оценки в школе. Еще не закончился учебный год, а я уже был уверен в том, что смогу выполнить свое обещание и достигну своей цели. До конца учебного года у меня не было ни одной тройки в четверти, а пятерок даже больше, чем нужно. И в конце учебного года я с гордостью показал дневник своему отцу.

— Да, молодец, сдержал свое слово, — сказал отец. И в ближайшие выходные пообещал мне поехать на птичий рынок и купить собаку.

Счастью моему не было придела! Я не мог дождаться дня, когда мы поедем и купим собаку, и вот этот день настал. Правда, я тогда и представить не мог, какие трудности мне уготовила судьба и что нам предстояло пережить, чтобы не потерять собаку. Но это все было потом.

Все это я вспомнил, пока шел домой: мечта Алика о собаке навеяла мне воспоминания о моем верном четвероногом друге.

Дома меня ждала Торри. Она уже знала, что сейчас мы пойдем гулять с ней. На завтра, как и на все лето, уроков делать было не надо, поэтому времени на прогулки у нас с ней теперь было предостаточно. Когда я вернулся домой, Торри бросилась мне навстречу. Она кидалась ко всем, кто приходил: просто не могла усидеть на одном месте ни секунды.

Дома я увидел, что уже всю мебель перенесли в отдельную комнату, а в остальных комнатах все было готово к ремонту, помочь с которым я как раз и обещал папе. Не так давно у меня появилась маленькая сестренка, поэтому мама все время проводила с ней, а мы со старшим братом помогали ей как могли. Было, конечно, немного обидно, что мама уделяет нам с братом меньше времени, но я уже был достаточно взрослый и понимал, что малышке сейчас нужно много внимания.

На время ремонта было решено, что мама уедет с сестренкой на дачу. Вещи они уже собрали.

— Давай Торри заберем на дачу, — сказала мама. — Там ей будет хорошо: Участок большой, есть гора песка, а она так любит копать. Будет и место, где ей побегать, а вы тут сможете спокойно поработать. А на выходные приедете к нам вместе с папой.

Не знаю почему, но мне показалось — даже будто екнуло сердце, — что лучше Торри оставить со мной. Но я не придал значения внутреннему чувству и подумал, что мама права, так для Торри будет лучше. Я понимал, что в этом ремонте собаке не найдется места, она со своей безудержной энергией просто перепачкает все наши обои, которые мы планировали наклеить с отцом.

— Забирай, конечно, — сказал я маме. — На даче ей действительно будет лучше.

Вещи мы дружно отнесли к машине, которая ждала, чтобы отвезти маму с сестренкой на дачу. К нам приходила няня, которая помогала маме с малышкой. Она тоже вызвалась поехать с мамой на дачу и помочь ей там. Мама была только рада.

После того как все погрузились в машину, я взял Торри на руки и сильно прижал к себе. Я так и не понял, откуда появилось то необъяснимое чувство тревоги, поэтому больше не вспоминал о нем. Торри же смотрела на меня, и, как мне показалось, взгляд у нее был отчего-то печальный. Но я не придал этому значение, ведь всего через несколько дней мы снова увидимся. Я отдал Торри на руки помощнице, и машина тронулась. И только после того, как машина отъехала уже на приличное расстояние, я, словно опомнившись, помахал рукой.

Так прошел мой первый день каникул. А на следующий день мы с папой начали делать ремонт в квартире. Нужно было сначала отодрать старые обои, чтобы потом поклеить новые.

Вся следующая неделя прошла в работе. Мы со старшим братом и с папой каждый день вставали пораньше и начинали работать. Я привык вставать рано во время учебы, поэтому для меня по сути ничего не изменилось. У папы был отпуск, поэтому работали мы целыми днями, а по вечерам я даже успевал поиграть с ребятами во дворе в футбол или в какую-нибудь настольную игру.

Я тем временем ждал, когда настанет конец недели, чтобы поехать на дачу. А когда неделя почти завершилась, в пятницу утром произошло то, во что я не мог поверить: позвонила мама и сообщила, что Торри пропала вчера вечером. Как рассказала мама, она пошла с коляской с сестренкой в лес погулять, а в доме оставалась помощница, которой нужно было срочно уезжать. Она вызвала такси, собрала свои вещи, позвонила маме и сообщила, что ей пора.

— Хорошо, — сказала мама. — Только ворота закройте за собой, чтобы Торри не убежала.

Когда приехало такси, помощница погрузила свои вещи, а Торри подумала, что все возвращаются в город, и радостно попыталась залезть в машину. Водитель такси ее при этом прогонял, а Торри так рвалась домой, что даже немного поцарапала машину своими когтями. После этого водитель пнул ее ногой, и Торри отбежала подальше, ничего не понимая. Похоже, она решила, что ее хотят оставить тут одну. Машина тем временем выехала, ворота стали закрываться, но Торри успела проскочить их в последний момент. Помощница при этом обернулась и увидела, как Торри бежит за машиной.

— Надо остановить машину и вернуть собаку, — сказала помощница водителю.

— Ничего страшного. Сейчас отстанет и вернется домой. Нет времени бегать за ней, — ответил водитель, нажимая на газ.

Торри бежала за машиной изо всех сил. Джек-рассел-терьер — очень быстрая порода, поэтому собака мчалась за машиной достаточно далеко. Но

когда такси выехало на основную трассу, водитель прибавил скорости и быстро оторвался от преследовательницы.

Торри осталась одна на дороге. Вокруг были только лес и дорога, местность для нее была новая и незнакомая. Она не знала, куда ей бежать, и решила, что ее предали и оставили одну на дороге в лесу.

Вернувшись домой, мама первым делом бросилась искать Торри, а после безуспешных поисков позвонила помощнице.

— А что, Торри не вернулась? — спросила девушка.

— Откуда не вернулась? — не поняла мама.

— Ну она же бежала за машиной, и мы с водителем подумали, что она сама вернется, — невозмутимо ответила помощница.

— Как вы могли! — у мамы навернулись слезы на глазах. — Я же просила вас не выпускать собаку за двор.

— Мы ее не пускали, но она все равно выскочила… — только и смогла ответить помощница. — Простите меня… — выдавила она из себя.

— «Простите»? Где мне теперь искать собаку, при этом — с маленьким ребенком на руках?! — мама обессилено присела на стул.

За окном было уже темно, наступила ночь. Мама оставила открытой калитку в надежде, что Торри вернется домой. Звонить она нам не стала, так как ничем бы мы уже не помогли, только перенервничали бы. А еще она надеялась, что Торри вернется сама.

Утром, не обнаружив нигде Торри, мама поняла, что ждать бесполезно, и позвонила нам. Папа принял решение выезжать на дачу и начать поиски. Мы быстренько собрались с братом и сели в машину. Да дачи было ехать около двух часов, и за всю дорогу мы не проронили ни слова.

Пока мы ехали, я вспоминал, как мы покупали Торри и как уже однажды чуть не потеряли ее. Когда мы приехали на рынок, то долго бродили по рынку в поисках щенков нужной породы — и никак не находили таких. Уже отчаявшись, мы увидели женщину, у которой стояла коробка, и там были щенки джека-рассела. Я радостно бросился к этой коробке. Как сказала эта

женщина, она сама заводчица, и все щенки — породистые и здоровые, с документами. Среди щенков был один, который отличался от всех остальных: остальные были толстенькими и резвыми, а этот сидел в уголочке и грустно смотрел на своих братьев и сестер. Я протянул к нему руку, и он радостно ткнулся в нее. Когда я взял его на руки, взгляд щенка был таким печальным, будто он хотел что-то сказать что-то очень важное и просил о помощи.

— Щенков не так выбирают, — сказал папа. — Надо брать самых активных — они будут самые здоровые, — со знанием дела добавил он.

— А мне этот нравится, — ответил я.

Папа взял его на руки.

— Что-то он мне не нравится, — сказал он. — Какой-то вид у него несчастный.

— Вот мы его возьмем — и будет у него вид счастливый! — воскликнул я.

Отец еще раз внимательно осмотрел щенка и принюхался к нему:

— Пахнет он как-то...

— Так они все пахнут, — невозмутимо ответила продавщица. — Они же тут вместе в одной коробке, поэтому и запах.

— Не знаю, не знаю… — ответил папа. Чутье подсказывало ему, что лучше взять другого щенка. Но я был неумолим:

— Я хочу именно этого! — твердо сказал я.

— Ну хорошо, — сдался папа. — В конце концов, это твоя собака, тебе и решать.

Мы расплатились, забрали щенка и довольные поехали домой.

Первые дни все было просто замечательно: щенок радовал нас, кушал хорошо, был игривым. По документам у щенка было сложное имя, в итоге мы решили его сократить, и осталось короткое Торри. Нашей девочке было от роду всего два месяца.

Через несколько дней папа заметил, что у щенка вылезает шерсть, он лысеет прямо на глазах.

— Не беда, — сказал я. — Новая вырастет.

Папа не был так оптимистичен, но ничего не сказал.

На следующий день щенок полысел еще сильнее.

— Надо везти к ветеринару, — сказал папа.

— Тогда поехали, — согласился я.

— Сейчас съездим к врачу — и он тебя вылечит! — весело сказал я, обращаясь к Торри, при этом поймал обеспокоенный взгляд отца, но не придал ему значения.

В ветклинике врач довольно долго рассматривал щенка, при этом расспрашивая, где мы его купили и у кого. И какая ему разница, думал я.

— Возраст щенка? — спросил врач.

— Два месяца, — ответил я.

— Понятно, — с каким-то грустным видом, сказал он. — А кто вообще хозяин? — спросил врач. — Может мне с вами пообщаться, — обратился он к моему отцу.

— Я хозяин! — прервал его я. — Ко мне и обращайтесь, — сам удивившись своей храбрости, сказал я.

Ветеринар слегка опешил от такой моей реакции.

— Ну что же, если с тобой, тогда слушай, — с каким-то, мне показалось, злорадством сказал он. — У твоего щенка подкожный клещ и стафилококк. Подхватил он его, скорее всего, в питомнике, где родился, поэтому и был изначально слабый. — Я молча слушал, пока не понимая, в чем проблема. — Есть укол, который может вылечить твоего щенка, но проблема в том, что этот укол делают не раньше, чем в шесть месяцев. А твоему щенку всего два месяца, до шести месяцев он просто не доживет. А если ему сейчас сделать укол, то он умрет от самого укола, потому что это очень сильное лекарство, оно не рассчитано на таких маленьких щенков.

Я посмотрел на отца, и он отвел взгляд. Похоже, нехорошее предчувствие при покупке щенка его не обмануло.

У меня на глазах навернулись слезы, остановить их было невозможно:

— Этого не может быть… Это неправильно… Он не умрет… Так не бывает… — тихо сказал я.

— К сожалению, бывает, — уже сочувственно ответил врач.

— Папа! — крикнул я. — Скажи, что это неправда, и Торри не умрет!

Отец отвел глаза, но я успел увидеть в них слезы. Еще никогда раньше я не видел его плачущим.

— Вы можете оставить щенка у нас, мы сами все сделаем, — сказал врач, обращаясь уже к отцу.

Я схватил Торри и прижал к себе.

— Мы его вам не оставим.

— Дело ваше, — устало сказал доктор.

Мы вышли из ветклиники с отцом и сели в машину. Всю дорогу я держал Торри на руках. Ехали мы молча, но неподалеку от дома отец остановил машину на обочине.

— Маме сейчас нельзя нервничать… — начал говорить он. — Что мы ей скажем? — спросил он меня.

— Это плохой доктор, — ответил я. — Давай поищем другого доктора и маме пока ничего не скажем.

Отец долго молчал. Я понимал, что новый врач — это новая трата денег, ведь прием в ветклиниках платный. Но я не мог потерять Торри.

— Хорошо, — согласился отец. — Давай так и сделаем, — печально сказал он, не слишком, похоже, веря в результат.

Приехав домой, он заперся в своей комнате и весь вечер кому-то звонил. Я знал, что он ищет хорошего врача.

На следующее утро, бросив все дела, мы поехали к другому доктору. Это была милая женщина. Принимала она у себя в квартире, что было как-то необычно. Но нам было с отцом все равно, лишь бы Торри поправилась.

Врач осмотрела щенка.

— Да, вам все верно сказали: у щенка подкожный клещ, — сказала она.

У меня подкосились ноги: значит, это все, конец.

— Но можно попробовать выходить его до того времени, как можно будет делать укол, — продолжила она.

— А что для этого нужно? — не выдержав, спросил я.

— Есть народное средство — полынь серебряная. Нужно делать отвар из нее и протирать щенка. И ждать, когда можно будет сделать укол, — сказала доктор.

— Как ни странно, у нас на даче за забором растет эта серебряная полынь, — как-то растерянно сказал папа, еще не веря в такие знаки судьбы.

— Вот и хорошо, — заключила доктор. — Жду вас через четыре месяца. Посмотрим на состояние щенка.

Я радостный вышел из квартиры доктора. Отец, конечно, тоже воодушевился, но не был так оптимистично настроен: все-таки народные средства — это хорошо, но против медицины не попрешь.

Мы отвезли щенка домой, а после отец поехал на дачу за полынью. И потом я целых четыре месяца делал отвар из этой полыни, и мы буквально на руках выхаживали щенка. Через четыре месяца мы отвели Торри опять к доктору, она осмотрела малышку, сама сделала укол — и буквально через несколько дней у Торри снова начала расти шерсть. Так мы победили болезнь — и нашему счастью не было предела!

Я не забыл, что первый ветеринар предлагал усыпить Торри, и подумал, что нельзя отчаиваться, всегда надо искать выход, и тогда удача улыбнется.

Тем временем мы уже подъехали к даче — туда, где потерялась Торри. Мама уже была готова отправиться в лес на ее поиски.

— Соседи ночью видели Торри сидящей у дороги, — сказала она.

Сердце у меня сжалось: она всю ночь ждала нас у дороги и не уходила.

Папа открыл гараж, чтобы выкатить квадроцикл. Он попробовал его завести, но аккумулятор сел.

— Нужен новый аккумулятор, — сказал он.

— Вы езжайте за аккумулятором, а мы пойдем пешком, — сказала мама.

— Куда ты с коляской! — возразил папа.

— Ничего, мы справимся, — ответила она.

Старший брат вместе с мамой и младшей сестренкой пошли пешком по дороге в сторону леса, а мы с папой поехали в магазин за аккумулятором. Купив его, мы помчались обратно на дачу. Установив новый аккумулятор, заправили бак бензином и тронулись в путь. По какому-то наитию я насыпал собачьего корма в карман, подумав, что Торри проголодалась, ее надо будет первым делом покормить.

Мы с отцом быстро доехали на квадроцикле до опушки леса, где нас уже ждали мама с братом и сестрой. Они бросились к нам.

— Мы видели Торри! — закричала мама. — Но она убежала сразу, как только увидела нас.

— Дела плохи, — сказал папа. — Видимо, ночью в лесу она пережила стресс… и теперь боится к кому-либо подходить.

— Или она решила, что мы ее предали ее, поэтому убегает от нас, — сказал я.

— Если так, то это еще хуже, — ответил папа. — Куда она побежала?

— Туда, вглубь леса, — показала мама.

— Поехали, — кивнул мне отец.

Я сел ему за спину на квадроцикл, и мы поехали вглубь леса. Чем глубже мы заезжали, тем быстрее таяла наша надежда, что мы найдем Торри.

В лес вела одна дорога, по которой мог проехать квадроцикл, и от этой дороги вправо и влево уходили годные для нашего транспорта тропки. Иногда мы на них сворачивали, проезжали немного и, не найдя Торри, возвращались на основную дорогу.

Стало уже смеркаться, но Торри нигде не было. С каждой минутой я понимал, что мы вряд ли ее найдем сегодня. Отец, похоже, думал о том же.

— Немного еще проедем — и будем возвращаться домой, — сказал он. — Поздно уже. Надо маму проводить до дома.

— Я понимаю, — обреченно кивнул я.

Мы проехали еще немного вперед. Вправо было ответвление от дороги. Отец свернул туда, и мы немного прокатились по этой дорожке. И тут прямо на дороге мы увидели Торри! Она лежала, свернувшись клубком, и мне стало так жалко ее: бедная Торри, она наверняка замерзла и проголодалась.

Я сидел за спиной отца, и Торри меня не видела. Как только она увидела отца, немедленно вскочила и побежала вглубь леса. Я соскочил с квадроцикла и бросился за ней, но она убегала все дальше и дальше в лес, и я понял, что еще немного, и потеряю ее из виду. Слезы покатились по моим щекам.

— Торри-и-и! — что есть силы закричал я, понимая, что больше никогда ее не увижу.

И тут, услышав мой голос, она остановилась. Я не мог в это поверить и, чтобы ее не спугнуть, тоже остановился.

— Торри… Торри… Торри… — я сквозь слезы звал ее.

Она и не убегала и не приближалась ко мне. Стояла на месте, будто спрашивая, не предам ли я ее еще раз.

— Торри, маленькая моя, иди сюда… — позвал я ее.

Она опять не пошевелилась.

Тогда я тихонько стал приближаться к ней. Вспомнив, что у меня есть корм, я засунул руку в карман и достал несколько кусочков. Торри оставалась на месте, и я бросил корм в ее сторону, но он до нее не долетел. Торри по-прежнему не убегала, и я осмелел, подошел ближе, достал еще горсть корма и бросил ее поближе к собаке.

Торри наконец-то завиляла хвостом и подобрала еду. Тогда я взял еще одну горсть корма в руку и начал медленно подходить, подзывая любимицу. Она не убегала. Я подошел к ней, протянул корм, и она слизала его с моей ладони. Я взял Торри к себе на руки, она прижалась ко мне, а когда я

наклонился к ней, она лизнула меня в лицо. Кажется, она простила нас, подумал я.

Тут я услышал, что меня зовет отец, переживая, как бы я сам не заблудился.

— Иду! — радостно закричал я и побежал на его зов.

Когда я выбежал из леса, отец увидел меня с Торри на руках.

— Нашел? — весело спросил он.

— Нашел! — ответил я.

— Я и не сомневался, что ты найдешь, — одобрительно сказал он. Я всегда знал, что он верит в меня.

— Пап, я давно хотел тебе сказать… спасибо тебе за все, — сказал я.

— А я хочу, чтобы ты знал: я всегда с тобой и буду помогать тебе, даже если меня не будет рядом, — ответил папа.

Я сел на квадроцикл. Одной рукой я прижимал к себе Торри, а другой держался за папу.

Мы отправились обратно — и вскоре увидели маму с братом и сестрой. Я им помахал, и они увидели Торри у меня на руках. Всем сразу захотелось потискать ее.

— Давайте домой поедем, — устало сказала папа.

Мы сложили коляску, положили ее на багажник, все вместе уселись на квадроцикл и медленно отправились домой.

Я прижимал Торри к себе и думал, что сегодня понял одну простую вещь: никогда нельзя предавать друзей.

И еще: если ты любишь по настоящему, то можешь простить все.